

отдѣловъ, довольно жалки. Надо впрочемъ удивляться не этому, а тому, что и при каторжномъ строеѣ СССР, при страшной, съ общечеловѣческой точки зрѣнія, зависимости отъ цензуры и необходимости пѣть акафисты Ленину, Сталину, Кирову и Жданову, мысль и наука не погибли на нашей несчастной родинѣ, а продолжаютъ, несмотря ни на что, жить и даже развиваться. Очевидно,

Надъ вольной мыслью Богу неугодны

Насиліе и гнѣтъ:

Она, въ душѣ рожденная свободно,

Въ оковахъ не умретъ.

Часть книги № 1-2, 1938 г., посвящена Некрасову. Открывается томъ рѣчью о Некрасовѣ президента Академіи Комарова. Едва-ли какая-либо Академія Наукъ слышала подобную рѣчь — верхъ банальности, безсодержательности и пошлости. Статьи проф. Евгеньева-Максимова и Чуковского тоже не представляютъ интереса, если не считать оригинальнаго тезиса Чуковского, что «явленіе въ русской литературѣ Некрасова было пророчествомъ о неотвратимости октябрьскихъ дней». Въ противоположность этимъ статьямъ очень интересны статьи А. И. Борисова и Е. Э. Бертельса объ Авиценнѣ, яркомъ представителѣ арабской культуры средневѣковаго Востока. По этимъ статьямъ, какъ и по упомянутому выше обзору по арабистикѣ, можно судить, что востоковѣды работаютъ много и плодотворно. Изъ остальныхъ статей этого тома болѣе интересны статьи Поршнева «Возстаніе въ Байонѣ въ 1641 г.» и Мартынова «Разложеніе родового строя на территоріи верхняго Поволжья».

Весь № 3, 1938 г., если не считать рѣчей Сталина и Молотова, посвященъ Горькому. Этотъ «свѣточъ челоуѣческаго гения, величайшій писатель» воспѣвается на разные голоса: «только многія поколѣнія изслѣдователей въ состояніи будутъ опредѣлять мѣсто его гения въ культурѣ челоуѣчества», Горькій «положилъ начало новой эпохи въ исторіи не только русской, но и мировой литературы» и т. п. Объ этихъ статьяхъ не стоитъ и говорить. Только статья Балухатаго, «Творческій путь Горькаго», несмотря на ея чрезмѣрно хвалебный тонъ, наиболѣе содержательна: въ ней есть интересный биографическій матеріалъ.

Н. Кульманъ.

Pierre Pascal. Avvakum et les débuts du rascol. La crise religieuse au XVIIe siècle en Russie. Centre d'études russes «Istina».
Paris, 1938. p. XXV+618.

Книга проф. Паскаля во многихъ отношеніяхъ поистинѣ замѣчательна. Изъ всѣхъ работъ, посвященныхъ критическому періоду русской церкви XVII в., по глубинѣ эрудиціи и широкому охвату темы съ ней можетъ быть сопоставленъ только талантливѣйшій двухтомный

трудъ проф. Н. Ф. Каптерева «Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ» (1909-1912 гг.).

Съ автобіографіей протопопа Аввакума П. Паскаль познакомила впервые въ 1928 г. въ Москвѣ. Съ тѣхъ поръ и началась систематическая и серьезнѣйшая научная работа автора надъ громадной научной и документальной русской литературой, освѣщающей начальную исторію русскаго раскола. Уже одинъ только библиографическій указатель, занимающій въ книгѣ проф. Паскаля 24 страницы, представляетъ собой весьма значительный интересъ. Не будучи абсолютно исчерпывающимъ, онъ тѣмъ не менѣе перечисляетъ всѣ печатные документальные сборники и всю главнѣйшую оригинальную научную литературу, связанную съ темой о русскихъ церковныхъ событіяхъ XVII в. Нерѣдко при этомъ авторъ напоминаетъ въ своемъ указателѣ о незаслуженно забытыхъ или полузабытыхъ произведенияхъ о цѣнныхъ трудахъ, покоящихся въ разнаго рода малодоступныхъ и рѣдкихъ провинціальныхъ изданіяхъ. Не ограничившись печатнымъ матеріаломъ, авторъ не устранился и сложныхъ архивныхъ изысканій и сблалъ въ этой области рядъ цѣнныхъ открытій. Наконецъ, слѣдуя «по стопамъ Аввакума», онъ постѣтилъ рядъ мѣстъ, гдѣ разыгрывались описываемыя имъ событія, — Григорово, Квягинино, Лысково, Нижній-Новгородъ, Волгу до св. Макарія, популярнѣйшій очагъ «старой вѣры» Керженецъ.

Книга П. Паскаля — достойный памятникъ громаднаго затраченнаго на нее труда и рѣдкой научной проницательности. Ключъ этой проницательности, моментами для автора-иностранца особенно поразительной, лежитъ въ значительной степени въ нисколько нескрываемой авторомъ любви къ простодушной, наивной, но тѣмъ не менѣе крѣпкой вѣрѣ московскаго простолюдина. Отсюда — это правильное пониманіе П. Паскалемъ многихъ сторонъ московской религіозной старины. «Повседневная жизнь въ московской Руси, и религія, — пишетъ онъ, — смѣшивались и такъ глубоко проникали другъ въ друга, что религія никогда не воспринималась какъ философская и моральная система, существующая сама по себѣ, въ сторонѣ или надъ событіями сегодняшняго дня. Христіанская вѣра и старые языческіе предрасудки, предписанія Евангелія и человѣчскія страсти, интересы общины и прихода, всѣ эти элементы воздѣйствовали другъ на друга и въ концѣ концовъ такъ смѣшивались, что ихъ нельзя было раздѣлить...»

Протопопъ Аввакумъ именно потому такъ близокъ и дорогъ сердцу П. Паскаля, что вплоть до своей мученической смерти онъ неустанно и героически проповѣдывалъ принципъ о тождествѣ религіи и жизни. Одухотворяя его книгу, превращая ее изъ строгаго научнаго фоліанта въ полное жизненнаго интереса повѣствованіе о трагедіи ищущаго человѣческаго духа, явное пристрастіе П. Паскаля къ своимъ «положительнымъ» героямъ свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ разбираемой книги не только осторожный научный изслѣдователь, но убѣжденный исповѣдникъ опредѣленной религіозной идеи.

По отношенію къ описываемымъ имъ событіямъ и людямъ у ав-

тора имѣются двѣ мѣрки, — одна для Аввакума и остальныхъ «отцовъ» старой вѣры, другая — для патріарха Никона и его сподвижниковъ. Между тѣмъ два главнѣйшихъ виновника церковнаго раскола XVII в., Никонъ и Аввакумъ, во многомъ исключительно похожи одинъ на другого. Та же властность характера и нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ, тотъ же фанатизмъ духовнаго вождя, то же смѣшеніе буквы съ сущностью, обряда съ догматомъ, то же рѣшительное осужденіе западно-европейскихъ новшествъ, то же, наконецъ, стремленіе воздѣйствовать на религіозную совѣсть вѣрующаго приемами внѣшняго устрашенія.

Конечно, ужасны гоненія и муки, которымъ подвергали никоніане сторонниковъ «старой вѣры». Еще болѣе ужасны костры, на которыхъ сжигали «еретиковъ»-старообрядцевъ московскіе палачи или на которыхъ жертвы правительственнаго и церковнаго преслѣдованія сжигали сами себя. Но при всемъ томъ П. Паскаль, повидимому, не достаточно учелъ, какіе жаркіе и сколь безчисленные костры зажегъ бы во всемъ лицу московской земли самъ протопопъ Аввакумъ, если бы въ затянувшейся борьбѣ ему въ концѣ концовъ удалось побѣдить «еретиковъ»-никоніанъ.

Правда, въ своемъ «Житіи» Аввакумъ пишетъ: «мой Христосъ не приказалъ нашимъ апостоламъ такъ судить, еже бы огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею въ вѣру приводить». Но это совѣтъ, который отъ даетъ своимъ торжествующимъ противникамъ, въ дѣйствительной же жизни Аввакуму не разъ приходилось приводить въ свою вѣру противившихся и строптивыхъ кулакомъ, костылемъ и плетью. Бывали въ его жизни и еще болѣе характерные случаи. Въ Пустозерскѣ, въ подземной тюрьмѣ, разоидясь по нѣкоторымъ богословскимъ вопросамъ со своимъ бывшимъ религіознымъ единомышленникомъ и другомъ, дьякономъ Федоромъ, заключеннымъ въ сосѣдней подземной тюрьмѣ, Аввакумъ доноситъ стрѣльцкому сотнику на Федора, который выползъ ночью изъ слухового окошка на тайное свиданіе съ нимъ, протопопомъ. Несчастнаго Федора по этому доносу хватаютъ, тутъ же на снѣгу, нагого, стегаютъ дубовыми прутьями и затѣмъ на два часа оставляютъ на морозѣ. Аввакумъ не только со смѣхомъ слѣдитъ за происходящимъ, но при помощи стрѣльцовъ выкрадываетъ еще у Федора написанное имъ съ величайшимъ трудомъ, въ ужасающихъ не только для писанія, но и вообще для жизни условіяхъ, исповѣданіе старой вѣры, утверждая впослѣдствіи, что это исповѣданіе было имъ получено «съ помощью Божьей». Вся эта удручающая сцена разыгралась незадолго до того, что обоимъ ея участникамъ, Аввакуму и Федору, пришлось погибнуть на одномъ кострѣ.

Если бы даже и не было этихъ случаевъ въ жизни Аввакума, однимъ его челобитій «великому государю» вполне достаточно для того, чтобы составить себѣ представленіе о его подлинныхъ взглядахъ на методы борьбы съ «еретиками». «Перестань же насъ мучить тѣмъ, — пишетъ отъ царю Алексѣю Михайловичу, — возьми ерети-

ковъ тѣхъ, никоніанъ, погубившихъ душу твою и пережги ихъ, скверныхъ собакъ, латынниковъ и жидовъ, а насъ распусти, природныхъ своихъ. Право будетъ хорошо». «А то, государь-царь, — пишетъ Аввакумъ на этотъ разъ уже царю Федору Алексѣевичу, — кабы ты мнѣ далъ волю, я бы ихъ, что Илья пророкъ всѣхъ перепласталъ въ одинъ день. Не осквернилъ бы рукъ своихъ, а освятилъ, чаю... Перваго бы Никона того, собаку, разсѣкъ бы начетверо, а потомъ бы никоніанъ тѣхъ».

П. Паскаль правильно оцѣнилъ Аввакума, какъ исключительную личность и неустаннаго борца за «старую вѣру», но онъ чрезмѣрно идеализировалъ его по сравненію съ его врагами никоніанами, отчего и весь образъ знаменитаго протопопа вышелъ у него гораздо болѣе одностороннимъ по сравненію съ тѣмъ, который данъ до него въ русской исторической литературѣ, хотя бы въ популярныхъ произведеніяхъ В. А. Мякотина и С. П. Мельгунова.

Въ значительной степени идеализированы П. Паскалемъ въ пользу представителей «старой вѣры» и сами причины церковнаго раскола XVII в. Всѣ расхожденія между никоніанами и поборниками «старой вѣры» дѣйствительно носили церковно-богословскій характеръ, являлись отраженіемъ различныхъ христіанскихъ міросозерцаній. Но эти расхожденія, всегда и всюду въ той или иной формѣ болѣе или менѣе неизбежныя, выливались въ форму церковнаго раскола по причинамъ, возникшимъ внѣ сферы чисто религиозныхъ проблемъ.

Эпоха гуманизма въ Россіи началась по сравненію съ западной Европой съ большимъ запозданіемъ, — только во второй половинѣ XVII вѣка. Тогда-то и произошло столкновение двухъ совершенно непримиримыхъ міропониманій. За фанатической преданностью старообрядцевъ старымъ книгамъ, двуперстному крестному знаменію, сугубой аллилуйѣ, восьмиконечному кресту и т. д. скрывается также и протестъ противъ самой сущности гуманизма — свѣтской культуры и свѣтской государственности. Не случайно, конечно, духовные ученики Аввакума встали во главѣ столь ненавистныхъ Петру Вел. «бородачей», упорно противившихся его реформѣ. Если, въ силу присутствія ему личныхъ свойствъ, и не самъ Никонъ, то, по крайней мѣрѣ, его ближайшіе преемники, оставаясь въ сферѣ чисто религиозныхъ вопросовъ, могли бы еще прійти къ соглашенію со старообрядцами. Одно время, послѣ ухода Никона отъ власти, возможность такого соглашенія намѣчалась даже фактически. Но когда для всѣхъ сдѣлалось очевиднымъ, что церковная реформа не только поддерживается, но и непосредственно проводится въ жизнь свѣтской властью, уже во вторую половину царствованія Алексѣя Михайловича рѣшительно вступившей на путь гуманизма, то всѣ не соглашавшіеся итти по этому пути и стремившіеся всю земную жизнь человѣка подчинить цѣлямъ спасенія его души, категорически отказались отъ какого бы то ни было компромисса со «слугами антихриста».

Такимъ образомъ, благодаря значительной запоздалости русскаго историческаго процесса одновременно съ церковной реформой и,

фактически, въ тѣсной связи съ ней, передъ русскимъ человѣкомъ всталъ вопросъ, уже задолго до того рѣшенный на Западѣ, быть или не быть свѣтской жизни, свѣтскому государству, свѣтской наукѣ. Авакумъ и его друзья съ полной категоричностью на этотъ вопросъ отвѣтили: «не быть». Поэтому представляется болѣе чѣмъ сомнительнымъ и неоднократно встрѣчающееся у Паскаля сопоставленіе французскихъ «отшельниковъ» Поръ-Ройяля XVII в. съ русскими старообрядцами той же эпохи. Если съ высоты своей большой научной культуры кружокъ Поръ-Ройяля и осуждалъ «науку, чуждую добродѣтели», то любой изъ отцовъ «старой вѣры», отрицавшій всю свѣтскую науку цѣликомъ, съ полной и правдивой откровенностью могъ сказать про себя: «еллинскихъ борзостей не текохъ, ни риторскихъ астрономъ не читахъ, ни съ мудрыми философы въ бесѣдѣ не бывахъ».

Питая горячую симпатію къ отцамъ «старой вѣры», Паскаль естественно съ большимъ отрицаніемъ относится ко всей послѣ-никоновской церкви, въ особенности къ синодальному періоду ея жизни. «Въ Россіи послѣ Никона, — заявляетъ авторъ, — церкви болѣе не существуетъ».

О великихъ грѣхахъ и крупныхъ дефектахъ русской синодальной церкви неоднократно и убѣдительно писали, какъ свѣтскіе ученые и публицисты, такъ и многіе видные іерархи русской церкви. Тѣмъ не менѣе, столь категорическое осужденіе П. Паскалемъ всей послѣ-никоновской церкви, конечно, въ самомъ корнѣ своемъ глубоко ошибочно, хотя бы по одному тому, что именно послѣ Никоновской реформы, взятой гуманистически настроенной русской властью подъ свою защиту, опасность культурнаго одичанія, угрожавшая до того высоко подвижнической, но богословски глубоко невѣжественной русской церкви, миновала навсегда. Уже при царѣ Федорѣ Алексѣевичѣ въ Москвѣ, какъ извѣстно, было основано первое высшее богословское учебное заведеніе, славяно-греко-латинская академія. Со времени Петра В. успѣхи богословскаго просвѣщенія сдѣлались еще болѣе осозательными. Силой посадивъ русскихъ людей на школьную скамью, Петръ В. положилъ прочное основаніе и для развитія будущей русской самостоятельной богословской науки и самостоятельной богословской мысли. Тѣмъ самымъ русская церковь получила для себя новую и притомъ совершенно необходимую для ея дальнѣйшаго развитія внутреннюю, духовную опору. Самъ П. Паскаль указываетъ, что и Галликанская церковь была въ свое время спасена отъ угрожающаго ей цезарепализма только благодаря наличію у нея культурныхъ традицій и обилію очаговъ самостоятельной богословской научной мысли.

Въ этихъ условіяхъ можно предполагать, что въ столь исключительномъ по своей категоричности сужденіи о всей послѣ-никоновской церкви лишній разъ нашла свое отраженіе не психологія спокойнаго научнаго изслѣдователя, а страстная душа религіознаго исповѣдника. Повидимому, тѣми же настроеніями продиктована и по-

слѣдняя, нѣсколько двусмысленная, фраза, завершающая интереснѣйшій трудъ П. Паскаля: «словая русская церковь будетъ болѣе чистой, болѣе святой и болѣе католической (въ оригиналѣ послѣднее слово подчеркнуто) по сравненію съ прежней».

Д. Одинецъ.

Е. Тарле. Нашествіе Наполеона на Россію. 1812 годъ. Академія Наукъ СССР. Институтъ Исторіи. 1938.

Авторъ этого труда — одинъ изъ наиболѣе видныхъ и талантливыхъ нашихъ историковъ старой школы. Онъ не специалистъ по русской исторіи, но почти естественно, что изысканія о Наполеонѣ привели его къ эпохѣ Отечественной войны. Можно было а priori сказать, что работа Тарле представить значительный интересъ. Такого сжатого научнаго очерка, рассчитаннаго къ тому же по формѣ изложенія на широкую читательскую массу, въ литературѣ, посвященной 1812 году, не было. Нѣтъ его и среди юбилейныхъ изданій, которыя были выпущены къ Столѣтію войны. Но все-таки авторъ, можетъ быть, и не совсемъ основательно игнорируетъ, вѣдьше по крайней мѣрѣ, юбилейную литературу (и болѣе раннихъ своихъ предшественниковъ, напр., цѣннѣйшіе очерки А. Н. Попова). Авторъ привлекъ и новый архивный матеріалъ — правда, далеко неоднороднаго значенія — не всегда неизданный отрывокъ мемуара можетъ замѣнить собой болѣе яркую выдержку изъ уже опубликованнаго документа.

Читатель съ несомнѣннымъ интересомъ прочтетъ рассказъ о томъ, какъ «протекали событія войны» — въ сущности этой внѣшней сторонѣ и посвящена книга, ибо подчасъ только попутно и дѣйствительно «закрасться» отмѣчается связь событій съ внутренней политикой и жизнью страны. Но научное значеніе работы въ значительной степени сведено на нѣтъ посторонними официальными заданиями, полученными авторомъ въ духѣ новѣйшихъ сталинскихъ директивъ о возрожденіи «патріотизма» въ народѣ. Такое задание относитъ работу проф. Тарле къ тѣмъ пресловутымъ исторіямъ Отечественной войны, которыя въ былыя времена писались, по выраженію автора, «по повелѣнію». Возвращаться къ эпохѣ некритическаго патріотизма въ историографіи Отечественной войны значить дѣлать шагъ назадъ по сравненію съ тѣмъ, что было достигнуто въ юбилейной научной литературѣ 1912 г. Тарле начинаетъ съ той опасности, которая вынѣтъ грозитъ «соціалистическому государству» отъ беззащитныхъ враговъ, готовящихся къ нападенію и расчлененію Совѣтскаго Союза и наводнившихъ Союзъ неимовернымъ количествомъ «шпіоновъ, предателей и диверсантовъ». «Народы СССР», однако, находятся въ полной матеріальной готовности защищать «соціалистическое отечество». Историческое изслѣдованіе, предпринимаемое Тарле, должно опровергнуть басни «германской фашистской прессы» и «гитлеровскихъ учебниковъ», будто въ 1812 г. спасла Россію лишь «случайно» морозная погода. И авторъ придаетъ наукообразную форму нѣкоторымъ